

ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ

Борис Ихлов

В одном из стихотворений Пушкин свое появление на свет полагает случайностью. Действительно, не бог распоряжается, а родители, которые могли бы и не встретиться друг с другом. Религии фаталистичны, жизнь, напротив, не программируема, даже на уровне классической механики - в стохастических процессах. Не забудем, Пушкин справедливо считал случайность закономерностью: «случай – бог законодатель».

Смысл стихотворения – в оценке всей своей жизни, которую поэт сравнивает с казнью.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

В период «оттепели» литературовед Д. Д. Благой сопоставил стихотворение с сюжетом Книги Иова в Ветхом Завете. Благой хотел представить дело так, что с 1823-1824 годов Библия всерьёз заинтересовала Пушкина, и её чтение становится одним из источников творчества поэта. В те годы в публике еще не были широко представлены «Гавриилиада» или «Христос воскрес».

«... Пушкин, написав «Дар...» в свой день рождения, 26 мая, как и Иов, «проклял день свой», ни тот, ни другой не видит в жизни смысла («на что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком?»). Даже чувство враждебности Творца отчётливо звучит уже в мольбе Иова («Сколько у меня пороков и грехов? Покажи мне беззаконие мое и грех мой. Для чего скрываешь лице Твое и считаешь меня врагом Тебе?») - пишет Ирина Сура.

«Однако Пушкин, в отличие от библейского персонажа, не чувствовал себя праведником, в своём стихотворении он не проявляет никакого смирения, нет там ни покаяния, ни, собственно, веры. (Муравьёва О. С. «Дар напрасный, дар случайный...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А – Д. / Пушкинский Дом, Чистова И. С. и др.. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 410—412. — 520 с.).

В лекции профессора Московской духовной академии М. М. Дунаева

<https://youtu.be/OPMV4t-u-IM>

слышим, что данное стихотворение Пушкина страшно. Но оно не страшно, это состояние нормального человека.

Враждебная власть, чья же это власть? – спрашивает Дунаев. - Это власть Творца. Можно ли сказать что-нибудь страшнее? То, что Христос-спаситель называл хулою на Духа. Тяжкий, самый страшный грех. Не кто-нибудь, сам Бог воспринимается как враг человеку.

- Душу мне наполнил страстью – Пушкин осознает: вон он, источник бед и мучений – страсть!

Всегда, когда что-то случается с нами дурное, неприятное... мы очень часто стараемся переложить вину на какую-то внешнюю силу... а себя – нет!

Уныние – услада дьявола. Нашему подлинному врагу очень важно, чтобы мы в этом состоянии пребывали.

Человек утрачивает веру. Человеку всегда нужна какая-то опора.

Понял Пушкина митрополит московский, высшее лицо, святитель Филарет, повествует Дунаев.

Ответ Филарета

Не напрасно, не случайно

Жизнь от Бога нам дана,

Не без воли Бога тайной

И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью

Зло из темных бездн воззвал,

Сам наполнил душу страстью,

Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!

Просияй сквозь сумрак дум, –

И созиждется Тобою

Сердце чисто, светел ум.

Даже в казнях – во всем воля божия, великая цель, комментирует Дунаев.

Источник зла – в самом человеке. Если что случается дурное – не надо искать вокруг. Прежде всего – твоя вина.

Что же делать? Собственными усилиями себя... как барон Мюнхгаузен себя за косичку из болота...

ничего не получится. Без меня (Бога) не можете ничего делать. Обратись к тому, кого ты забыл, кого ты врагом помыслил. Ты пребываешь во тьме (вот так, безапелляционно, будто прецизионный спектрометр установил, Б. И.), а Бог – свет, учит Дунаев.

Ответ Филарета профессор называет проявлением соборной мудрости.

То есть: случилось дурное, агрессия гитлеровской Германии, героизм Матросова, Гастелло, Зои Космодемьянской, солдат-панфиловцев – напрасен, как за косичку себя из болота вытаскивать.

Буржуазия, чиновники, грабители, убийцы – не надо их винить, винить нужно себя. Если уголовник застрелил старушку – сама виновата, не научилась качать маятник.

Если на заводе массовые увольнения, если рабочий впал в уныние – пусть обращается к богу. Только бы не перекрывал магистрали.

Мысль Дунаева проста, как ночной горшок.

Письмо Филарета – в стихотворной форме, то есть, явно на публику. Но его, разумеется, не публикуют – разве публикуют циркуляры? Просто передают Пушкину. Чтоб знал. И Пушкин немедленно отвечает:

В часы забав иль праздной скуки,

Бывало, лире я моей

Вверял изнеженные звуки

Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой

Невольно звон я прерывал,

Когда твой голос величавый

Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,

И ранам совести моей

Твоих речей благоуханных

Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной

Мне руку простираешь ты,

И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.
Это исповедь, покаяние, уверен Дунаев.

С высот церкви пришло Пушкину послание, и он немедленно изменил свою точку зрения. Пушкин прекрасно понимает, почему Филарет отреагировал. Если б Пушкин записал во враги бога – не стоило бы внимания. Но Пушкин – атеист, и Пушкин в курсе, что власть якобы о бога, что царь – якобы наместник бога на земле, потому его выпад против власти бога есть выпад против монархии. Филарет, как слуга монарха, тонко намекает поэту на тяжелые обстоятельства.

Дунаев не желает указать причины уныния Пушкина, причины же таковы: он находился под полицейским надзором, Третье отделение вменяло ему святотатство в связи с его поэмой «Гавриилиада» и связь с декабристами. Пушкин должен был посылать готовящиеся к печати произведения царю, во всех своих поездках, чтениях произведений друзьям отчитываться перед шефом жандармов. За отрывок из «Андрея Шенье» поэта неоднократно вызывали к московскому и петербургскому полицмейстерам. Плюс личные переживания: Анна Оленина ответила отказом на его сватовство. Надзор на поэтом осуществляло не только Третье отделение, но и РПЦ. Филарет недвусмысленно напоминает Пушкину: «Сам виноват...» Митрополит фактически грозит, и Пушкин, хочешь не хочешь, вынужден писать объяснительную.

Стихотворение написано Пушкиным в 1828-м, Пушкин не удерживал его долго, как говорит Дунаев, случай представился опубликовать его не в 1829-м, по версии Дунаева, а в 1830-м. Дунаев пытается уверить слушателя, что «Гавриилиада» в сравнении с приведенным стихотворением - чепуха, не стоит внимания. Но мы с вами всё-таки будем акцентировать внимание: в «Гавриилиаде» Пушкин смеется, издевается над священным писанием. И как не смеяться, если в нем, как и в любом другом священном писании, столько чепухи.

Стихотворение Филарета, мягко говоря, не шедевр. Пушкин должен показать смирение, но уж больно хочется посмеяться. Разве Филарет не понимает, что Пушкин атеист? И Пушкин отправляет ему стишок, где нагло выставляет себя истинно верующим. При этом бога поэт не называет. Тогда чей же это «голос величавый», если Пушкин - атеист? Конечно, царя.

Пушкин буквально издевается: «Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей... / И силой кроткой и любовной / Смиряешь буйные мечты». Полиция – кроткая сила. Хотел было завершить:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Но как можно указывать перстом на слуг государевых.

Если верить Дунаеву, то Пушкин немедленно должен перестать унывать. Уж тем более - стать бесстрастным, ибо человеческие страсти – зло. Любить женщину – зло, переживать из-за ее отказа – зло. Совсем зло – не разоружиться перед партией, унывать из-за полицейского надзора, надо принимать его с энтузиазмом! И жизнь – зло. Но в ответе Пушкина всё наоборот – «арфе серафима» поэт внемлет в ужасе, поэт выказывает, что покорен власти и боится ее.

В том же 1828 году он пишет В. Л. Давыдову:

Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя:
На этих днях тиран собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном, птички и Марии
Пошел христосоваться в рай.

Конечно, для верующих, тем более, несведущих первое стихотворение - страшно, греховно, но ведь Пушкин не одинок. Такое настроение возникает у большинства верующих, в ком сохранилась хоть частица разума: если всё угнетение человека человеком, если все войны, все смерти, вся несправедливость мира – в воле божьей, по промыслу божию, выходит, бог – враг человечества.

И Омар Хайям винит господ: если господь создал человека таким, каков он есть, если господь правит его судьбой - как можно человека винить в его грехах? Нелогично получается: сделал один, а расплачиваться почему-то должен другой.

Филарет принял стихотворение Пушкина экзальтированно, поэт и не думал посягать на господ бога нашего. В том же 1828 году он пишет аналогичное:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

То есть, он и царя за причину не ставит, он всю совокупность невзгод именуется словом «судьба».

Если бы не отказ Олениной, если б не надзор полиции, казалось бы, состояние хорошо известно: когда закончена одна работа, а другая еще и не думала начинаться - жизнь прожита зря и бессмысленно.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю. –
пишет Пушкин опять же 1828 году.

Но разве Пушкин, говоря словами Дунаева, впадает в уныние только в вышеприведенном стихотворении? Отнюдь, «уныние» стало чуть ли не его кредо, вот ранняя строфа из «Евгения Онегина»:

Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

Добавим «На свете счастья нет, а есть покой и воля...» - уже в 1934 году, трагизм повестей Белкина, общую безысходность «Евгения Онегина».

Вероятно, Пушкин чувствовал фальшь «Пророка», что выразилось в тяжеловесности стихотворения. Вряд ли Пушкин не отдавал себе отчет, что он не Савонарола, не братья Гракхи, стремление «глаголом жечь сердца людей» не сочетается с собственной характеристикой своих трудов – через лень, праздность скуку. Великие поэмы Пушкина – о другом.

В то же время никакого экзистенциализма, как полагал Лосев, в «греховном» стихотворении, конечно, нет. Ключ к настроению – «светская чернь», о чем ниже.

Грех... Нелепо было бы приписывать Пушкину понимание, что он имеет возможность творить лишь в силу тяжкого труда крестьян и ремесленников, лишь Блок заговорит о белой и черной кости.

Но Пушкин в ответе Филарету упоминает «праздную скуку». Посмотрите, какая великая разница: «бездействие ночное» и «праздность вольная, подруга вдохновенья». Бездействие – безысходно, праздность – дает простор действию, праздность – свободна, бездействие – поднадзорно.

Кто же такой этот М. М. Дунаев? Закончил филфак МГУ, был правоверным атеистом. В русле партийной работы исследовал творчество религиозного писателя Ивана Шмелева. В 1980-1981 гг. преподавал в МГУ, в этот вуз принимали на работу исключительно проверенных людей. Следующие 9 лет окутаны тайной, но с 1 сентября 1990 года был направлен на работу преподавателем Московской Духовной академии. Просто так в МДА не попадают, Дунаев же стал профессором МДА лишь со степенью кандидата филологических наук. Причем не только преподавал в академии, но там же и учился. В 1997 году ее окончил и защитил новую кандидатскую диссертацию. В 1998-м в декабре получил должность – всего лишь доцента. В 2008 году Дунаев скончался. Но дело его живет.

***

Пушкин написал «Дар напрасный, дар случайный...» в 29 лет. Переломный для творчества возраст, музыка перестает, душа не принимает прежнюю музыку, только та приносит облегчение, где мысли собраны в тугой узел.

Но все причины собираются в одно, как петля на шее.

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.

Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.

То вдруг её я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Её пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

Словом, «что было для него измлада и труд, и мука, и отрада...», без чего целый мир – чужбина:

Но есть одна меж их толпою...
Я долго был пленен одною —
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И всё в нем пусто и темно.

Не стоит ловить Пушкина на шизофренической сосредоточенности в одном предмете:

Прошла любовь, явилась муза,
И темный озарился ум.
Свободен! Вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств дум...

В отношении Пушкина к женщине – другое. Он отождествляет ее со Вселенной, она – его мировоззрение, его родина, Блок скажет: «О Русь моя, жена моя...» Всё лучшее, что есть в России.

Исследователи полагают, что пессимизм «греховного» стихотворения вызван не просто отказом Олениной, но ссорой с ней, от него отвернулись друзья – после его верноподданнического «Друзьям», написанного в 1928-м:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами...

Имеются в виду война с Персией и Турцией во время борьбы Греции за независимость, отставка Аракчеева, деятельность «секретного комитета 6 декабря 1826 года», который должен был заняться обсуждением положения крестьян. Не так ли многие реагировали на «подвижки» нового генерального секретаря Михаила Горбачева. В «Стансах» 1826 года поэт наивно пытается ставить Петра I в пример Николаю.

Утверждают даже, что в данном стихотворении – поиск смысла жизни.

И все же. Многие ли отвернулись от Пушкина? Если в 1925-м он со смехом писал: «И первую, полней, друзья, полней... Но за кого, о други, угадайте? Ура наш царь! Так! Выпьем за царя!»

Нет, Оленина, реакция на «льстеца» - лишь эпизоды. Эпизоды сильно ударяют – но только на общем фоне.

Пушкина не читали, он был вытеснен из мира литературы необычайно плодовитым стукачом Третьего отделения Фаддеем Булгариным, пишет Натан Эйдельман. Отчасти он прав – кому было читать Пушкина, крестьянам, ремесленникам? Исключительно светской публике и узкому кругу друзей. И все же читали, много читали. Другое дело – не понимали. Лишь после того, как Герцен, Белинский провели целую очистительную кампанию в литературе, мир понял, что «в поэзии Пушкина бьется пульс русской жизни».

Но это не всё.

Постепенно стирается в сознании представление о друге. Друзья обязательно предадут, один за другим. Попадешь в беду – в лучшем случае наградят равнодушием или трусливо спрячутся.

Враги несравненно лучше. Они не могут предать, потому что враги. Всегда знаешь, чего от них ждать.

Постепенно стирается в сознании представление о девушке, которую мог бы полюбить. Любовь появляется как условный рефлекс на раздражитель в виде денег. Рыба ищет, где лучше, а человек – где лучше.

По сей день во всем мире красивые девушки предпочитают богатых, уродливый житель столицы женится на провинциальной красавице. Правда, в художественной литературе Запада мало подобных сюжетов, но пример юной жены старого президента США у всего мира перед глазами, и мир не удивлен. Это норма. Ход истории превращает эту норму в фантазмагорию: специфика современной России – в предпочтении убийц, воров, грабителей. Это факт.

Все женские образы русской литературы оказались выдумкой.

Рушится возвышенное представление о женщине, а следом – о земле, по которой она ходит.

Отгремело восстание Пугачева, рабочим уральских заводов повысили жалованье. Система релаксировала. «... жалкая нация, нация рабов, сверху донизу - все рабы», – пишет о России Чернышевский («Пролог». ПСС, 1949, Т. XIII, С. 197).

Ход истории вносит коррективы.

Отгремели восстания рабочих 2001 года в Ачинске, на ВЦБК, в Щучьем, в Ясногорске.

Одни верят в честные выборы, твердят, что Россия – тоталитарное полицейское государство, и требуют одного царя заменить на другого царя. Повторяют штамп про волшебный бизнес, про невидимую руку рынка, про святую конкуренцию и хотят, чтобы государство наконец-то прекратило вмешиваться в экономику, образование и медицину. Подгруппу этой группы составляют свидетели Илона Маска.

Им противостоят другие, но не отличимые: им президент - опора нации, гарант стабильности, духовная скрепа, второй Сталин.

Смысл жизни третьих в том, чтобы восхвалять Сталина и противопоставлять его «твердую руку» нынешнему буржуазному режиму, мол, уж при Сталине-то их пересажали бы, уж Сталина-то на них не хватает и т.п.

Четвертые объявляют, что миром правят Ротшильды и Рокфеллеры, в лучшем случае – тайное мировое правительство, но в любом случае это заговор сионистов, которые страдают истребить русский народ.

Пятые считают себя высшей расой.

Шестые жаждут вернуть Россию в феодализм, для них СССР – отстой и концлагерь, Ленин – немецкий шпион, а Октябрьскую революцию сделали на немецкие (вариант – американских евреев) деньги.

Седьмые, восьмые и т.д. верят в бабарашку, в пятое измерение и путешествия во времени, в

энергетические частицы и негативную энергию злодеев, в сглаз и порчу, в информационное поле

Вселенной и зомбирование по телефону, в торсионные поля и лечение с помощью картонки под названием «Матрица жизни» и нулевыми колебаниями вакуума внутри пирамиды Хеопса.

Любые аргументы бессильны, ибо – патология.

Страна, где школьники матерятся, пьют, употребляют наркотики, заняты развратом, не просто дерзят учителям, но избивают и убивают учителей.

Страна, где рабочие еще с советских времен – наподобие ослов, счастье которых в свежем овсе и теплой попоне, то бишь, в высокой зарплате, автомобиле, даче и гараже.

Страна, где любимый артист – Петросян.

Как писал, пародируя Есенина, пермский поэт Василий Крюков, эмигрировавший в 2007-м в Австрию:

Мне теперь ни дать, ни взять, ни быть ли,
Всё теперь никак и нипричем,
И страна бессмысленного быдла
Не заманит даже калачом.

Пушкин хорошо фехтовал, был отличным стрелком и часто вызывал на дуэль всех, кто попадется. Но, как правило, либо оба соперника промахивались, либо не являлись драться, либо отменяли дуэль, либо их примиряли друзья.

В 1822 году Пушкина вызвал на дуэль прапорщик генерального штаба Александр Зубов. Пушкин уличил Зубова в шулерстве. Пушкин явился с фуражкой, полной черешни, и ел ягоды, пока соперник в него целился. Зубов промахнулся, Пушкин от выстрела отказался.

В том же году Пушкина вызвал на дуэль подполковник Семен Старов. Не поделили ресторанный оркестр при казино. Старов промахнулся, Пушкин выстрелил в сторону.

Но вот в Дантеса раненый Пушкин выстрелил и горячо кликнул: «Попал!» Почему?

Разрыв с Олениной - но в том же 1828 году Пушкин знакомится на балу с Натальей Гончаровой. Ей всего 16, и она на 10 см выше Пушкина. Скромна, набожна (подчеркнем), начитанна.

«Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе», – пишет ей Пушкин. «Я женат – и счастлив, – пишет Пушкин Петру Плетнёву. – Одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось, – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Врет.

Именно поэтому.

Через 7 лет после смерти мужа Пушкина-Гончарова вышла замуж за генерала Петра Петровича Ланского.

И наконец. Адекватна ли жизни художественная литература. Или она сродни камланию, своего рода фабрике грез. Вот о чем, может быть, думал Пушкин в 1928 году.

Сентябрь 2020